

Кем были в Восточной Европе солдаты Красной Армии в 1945 году: свободителями, оккупантами или...?

Носкова А. Ф

История отсчитывает седьмое десятилетие после окончания Второй мировой войны. Чем дальше уходит в прошлое победа Красной Армии над Германией, тем заметней снижается понимание масштаба того противостояния нацизму, которое выдержали советские люди, надевшие солдатские шинели, и той цены, которую они заплатили своими жизнями за Победу. Время беспощадно не только к поколениям участников войны, но и к общественной памяти. Она удерживает наиболее значительные и яркие факты и, как правило, «опускает» множество тех, нередко «некрасивых» деталей, без которых нет цельного и достоверного образа исторического события.

Казалось бы, долг летописцев-историков состоит в том, чтобы сохранить для потомков максимально правдивую картину прошлого. Новоевропейском мире, разделенном объективными национальными, религиозными, языковыми, экономическими барьерами, политическими традициями прочими субъективными предпочтениями и представлениями, долг историка зачастую интерпретируется и воспринимается как обязанность служить кому-то, обслуживать чьи-то интересы и потребности.

Историческая наука не случайно считалась и считается ныне наукой политической, так или иначе связанной с властным механизмом государства. Общеизвестно и то, что достижения и недостатки этой науки активно применяются в прикладном порядке национальными и зарубежными не только историками, но и, например, различными экспертами, политологами, политиками. Они используют извлеченные из исторического контекста к политической выгоде, хотя, как правило, правдивые события и факты прошлого, в качестве могучего инструмента формирования общественного сознания в нужном направлении.

Профессионализм же историка зависит от его способности устоять под натиском общественной конъюнктуры и того внутреннего давления, которое сегодня именуют самоцензурой. Это важно иметь в виду в наше время, когда из специальных хранений архивов России вводится в научный оборот большой массив новых документальных материалов, что открывает возможность ответственным ученым анализировать события во всем их многообразии, выстраивать достаточно полный фактографический ряд, и создавать научную концепцию истории страны в XX веке.

Мощный поток новых архивных материалов, документальных свидетельств, мемуарной литературы разрушил прежние официальные, односторонние и упрощенные представления. Но нетрудно заметить, что порой новизна толкования исследователями прошлого сводится к смене оценочного знака того или иного факта с плюса на минус, что ведет к созданию новых мифов. В этом есть прямая реакция на появление неизвестных, не всегда только позитивных, сведений. Одновременно предается забвению то правдивое знание, что было выявлено и накоплено учеными за многие предшествующие годы.

Схематичная смена оценок особенно масштабна применительно к советскому отрезку истории XX века и его ключевому событию — Второй мировой войне, роли СССР в освобождении и послевоенном развитии стран Восточной Европы. Вокруг этой проблемы в современной как российской, так и мировой исторической науке продолжают порой достаточно острые и не всегда только научные дискуссии. Причем, заметны усилия политически ангажированных обществоведов, восстанавливая максимально полную картину второй половины XX века, предложить исторический факт в качестве аргумента для переориентации национального сознания, сформированного

Носкова Альбина Федоровна — доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН. Статья подготовлена в рамках выполнения проекта ОИФН РАН «Социально-политическая и этноконфессиональная трансформация в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке»; e-mail: vestnik@mgimo.ru

партийной властью, строившей «реальный социализм» в странах региона, на то видение прошлого, в котором нуждаются новые политические силы, находящиеся у власти.

Вопрос поставлен крупным планом: что произошло в Восточной Европе в 1944–1945 гг., освобождение народов, победа над нацизмом и фашизмом или новая оккупация и поражение для стран-участниц Антигитлеровской коалиции, национальный позор и горечь военного разгрома для стран — неравноправных союзниц Германии? Отсюда следует второй вопрос: что принесли советские солдаты народам Европы: избавление или порабощение и кем они были — освободителями, спасителями или же оккупантами, насильниками и грабителями? Сама постановка вопроса «или \ или» означает выбор «то или то», содержит новую идеолого-политическую подсказку, и вновь не предполагает поиска непредвзятого ответа на непростой вопрос: в чем она, эта правда?

Если же вопрос поставить по-иному: что грозило многим народам региона, если бы вермахт одолел Красную Армию, то попытка усомниться в освободительной миссии Красной Армии теряет весь смысл. Подтверждением гигантской опасности, нависшей над Европой, являются ныне «подзабытые» некоторыми исследователями и политиками гитлеровские проекты «освоения жизненного пространства Германии» и «Генеральный план Ост», созданный ведомством Гимmlера. О сути этих чудовищных замыслов говорил примас Польской римско-католической церкви, кардинал С. Вышинский в январе 1960 г.: «Немцы во время войны думали так: войну мы выиграем, остальное сделают крематории, ведь нам не нужны поляки, нужна только их земля, ... Они бы это сделали, если бы мы проиграли войну...»¹.

Проще и точнее сказать трудно, ибо на шкале тех ценностей, которые выработала человеческая цивилизация, жизнь людей предстает как невосполнимый бесценный дар. Поэтому правдивый ответ на раздающиеся вопросы очевиден: солдат Красной Армии спасал жизнь, освобождая народы Восточной Европы от нацистской оккупации и национальных фашистских режимов.

Вместе с тем, настаивая на определении боевых действий советских фронтов как освобождения ряда соседних с СССР стран, необходимо признать, что это означало не только избавление народов от угрозы физической гибели в одних случаях, от утраты национальной идентичности и превращения стран в территорию рабов или представителей низшей расы, в других. Одновременно, в силу объективных итогов войны, происходило ограничение национально-государственной свободы стран и народов, причем, как на востоке, так и на западе Европы. Приведем понимание той ситуации современником событий 1945 г. Венгерский писатель Ш. Марай так выразил свои впечатления самой первой встрече с советским солдатом, лицо которого он запомнил на всю жизнь:

«Оно не было враждебным, просто до ужаса чужим». Значительно важнее оценка, данная Марай тому, что совершил этот солдат: «В эти минуты... не я один — «буржуазный» венгерский писатель в деревянном венгерском доме — с тревожным интересом думал о русских... Великий народ, ценой неслыханных жертв повернул у Сталинграда оглобли истории... и с одним из тех, кто воплощал эту силу, я повстречался сегодня. Для многих людей, для всех, кого преследовал фашизм, этот молодой солдат принес и своего рода освобождение, спасение от нацистского террора. Но свободу он принести не мог, ибо не имел ее сам»².

Марай прав и сегодня. Но за этого солдата, за то, что он в преодолении невозможного, бывало, утрачивал человеческий облик, ответственны сильные мира сего. И один из них — Верховный главнокомандующий Красной Армией И. В. Сталин.

В ту военную пору были, как и в наши дни остаются, невозможными однозначные ответы на столь сложные вопросы в отрыве от таких принципиальных данностей, как глобальные планы «больших» союзников по Антигитлеровской коалиции, каждый из которых добивался удовлетворения собственных послевоенных национально-государственных интересов. Реализуя эти планы, главы коалиции монополизировали право определять будущее «малых» государств и народов. Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль и И. В. Сталин распределяли военно-политические и территориальные «трофеи» в соответствии с долей усилий, внесенных в разгром гитлеровской Германии. Солдаты же американской, английской, но, прежде всего, советской армий лишь обеспечивали реализацию как общих (разгром гитлеровской Германии, безопасный и длительный послевоенный мир), так и отдельных национально-государственных интересов стран-победительниц.

Доля советского материального вклада и людских потерь в победу над Германией была весомей, поэтому в 1945 г. советский лидер получил (мог ли не получить?) согласие союзников на контроль той части европейского континента, которая граничила с СССР и могла служить для него «поясом безопасности». Красная Армия, дойдя до Берлина, превратила замыслы в реальность, что означало лишение «малых» стран региона возможностей свободно распорядиться своей судьбой. В этом был трагизм положения, особенно тех народов и стран, которые внесли свой посильный национальный вклад в разгром стран фашистского блока. Наиболее эмоционально и точно суть происходивших здесь в 1944–1945 гг. событий выразила польская исследовательница К. Керстен. Применительно к Польше она писала: «Нет сомнения, что польское общество, во всяком случае, его большинство, переживало более чем разочарование ситуацией и условиями жизни после войны. Можно говорить о крушении веры в ценности, которые признавали, в потерю доверия к авторитетам, которые подвели..., оказались бессильными перед

мощью, надвигающейся с востока. Вера в западных союзников уступала место горечи, равной прежней надежде. Росло чувство обиды, нанесенной народу, преданному союзниками... Создавалась атмосфера, присущая времени поражения. Для поляков Вторая мировая война окончилась и поражением, и победой. Освобождение от гитлеровской оккупации, которое пришло с востока и принесло власть коммунистов, не было тем, за что боролось большинство народа, чего оно ожидало»³.

К этой цитате нужна, однако, оговорка. Хотя победа СССР над Германией воспринималась многими поляками как национальное поражение, приход Красной Армии расценивался как поражение далеко не везде и не всем населением Польши и других стран региона. В конце войны общественные настроения повсеместно эволюционировали влево. В Европе, включая Польшу, нарастал интерес к идеям социализма, в том числе в его советской версии. Поэтому следует признать правомерным профессиональный подход Керстен к определению 1945 года как многомерного события по его общественным последствиям.

Избавление от нацизма и фашизма в восточноевропейский регион принесла армия государства с иными идеологическими императивами и общественным строем. При несоответствии представлений советской и национальных элит о государственных целях и правах своих народов, это влекло за собой конфликт несовпадающих интересов и в результате — возникновение зависимости освобожденных более слабых стран от сильной тогда страны-освободительницы⁴. Такова была объективная историческая данность. Иного пути для Восточной Европы на рубеже войны и мира не могло быть в силу не только внешнеполитических, но и внутривнутриполитических обстоятельств, а именно оказавшейся способности восточноевропейских обществ почти на полвека принять и использовать возможности советского социализма и союза с СССР.

Поэтому при анализе событий 1944–1945 гг. ответственными историками общественного восприятия и сравнения этих лет с нацистским и фашистским прошлым преобладающей была и остается освободительная составляющая миссии Красной Армии. И вновь слово К. Керстен: «...Освобождение соединялось с поражением — поражением надежды, поражением определенного порядка, поражением системы ценностей. Но это поражение сопровождалось разгромом гитлеровской Германии — врага, который угрожал биологическому существованию народа. Даже те, кто видел в тогдашней действительности новую оккупацию, понимал ее принципиальное отличие»⁵.

В условиях нараставшего системного кризиса «реального социализма», распада советского военно-политического блока и демократических, революционных событий 80–90-х годов XX века проблема итогов войны для стран Восточной Европы вновь стала активно обсуждаться в мировом историческом

сообществе. Новые посткоммунистические национальные элиты, доказывая правомерность получения, упрочения и незыблемости своей власти в стране, «работают» на противопоставлении несомненных собственных успехов с поражениями предшественников, умалчивая об успехах последних в их время. Они подбирают и активно применяют «аргументы» из прошлого. И вновь звучит тот же «ребром» поставленный вопрос, освобождение или советскую оккупацию принесла в регион Красная Армия в 1944–1945 гг.? Но теперь, например, среди польских обществоведов, к сожалению, наиболее активны те, кто отвечает однозначно: оккупация, порабощение и «черная дыра» в течение 45 лет⁶.

Для подтверждения такого вывода и убедительности доказательств воспроизводится комплекс проблем, связанных с разнообразными формами советского присутствия в странах Восточной Европы. В частности, по-новому интерпретируются цели командования вступившей в Европу Красной Армии и облик самой армии. Нередко, в том числе и в российской историографии, при умалчении о массовом достойном поведении советских военнослужащих, акцент делается на описании преступных поступков солдат и офицеров Красной Армии в странах Восточной Европы. Старательно создается исключительно негативный собирательный образ советского военнослужащего*. Действительно, факты, порочившие облик Красной Армии, имели место и не признавать это бессмысленно. Но вряд ли на их основании допустимо делать вывод, что в Европу вступила армия новых захватчиков, мародеров и грабителей, предусмотрительно забывая о том, что миллионы советских солдат пришли в Европу с иными целями. Они честно выполняли свой воинский долг, никогда и ничем не посрамили себя и армии своей страны.

Между тем проблема оценок поведения солдат-победителей (и не только советских) не так проста. Конечно, советский солдат не мог быть, и он не был, всегда только приятным во всех отношениях. Историей человечества подтверждена неизбежная дегуманизация любой армии в ходе боевых действий, особенно столь длительного и кровавого характера. Это — крайне негодная, но одна из норм поведения действующей армии вплоть до наших дней. Так было и в случае с Красной Армией. В 1944 – 1945 гг. в Европу вступали солдаты, многие из которых провели годы в окопах и ожесточенных боях. По пути они оставляли в земле своих товарищей по оружию. На востоке за ними лежала разрушенная страна и сотни тысяч расстрелянных, повешенных, сожженных заживо, отравленных газом русских, белорусов, украинцев, находившихся на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Душевное состояние многих из этих солдат выразил известный советский поэт-песенник М. В. Исаковский: «Враги сожгли родную хату, убили всю его семью. Куда теперь идти солдату? Кому нести печаль свою?».

Жестокая война сформировала устойчивый силовой синдром в сознании людей. Она породила среди лидеров разных стран и рядовых ее участников убеждение, что сила допустима и оправдана как в военное, так и в мирное время. Тяжелыми травмами, когда смерть нескончаемо шла рядом, было отмечено сознание советских солдат, которые столь долго учились и умели решать все встававшие на их пути проблемы только силой оружия и рук. В мирных условиях инерция такого мышления не могла быть прервана одномоментно. Поэтому послевоенный период характеризовался, как правило, ростом бандитских проявлений, которые подавлялись тоже силой.

При соприкосновении с непривычно иной жизнью, увиденной в освобожденных европейских странах, жажда мести за содеянные гитлеровцами злодеяния тупила в сознании солдат способность преодолевать естественную тогда ненависть. Порой в нем стирались грани добра и зла, дозволенного и преступного. В этих условиях среди советских солдат, в своей массе остававшихся способными на многие благородные и героические поступки, имели место и неприглядные действия, нередкие проявления откровенных преступлений. Главными причинами мародерства, грабежей, разбоя, насилия и убийств были сравнения знаний о полуголодном существовании родных и близких дома, о чудовищной разрухе и бедности с окружающей их новой действительностью, которая оценивалась как благополучие. Особенно остро воспринималось благополучие врагов.

Советскому руководству были известны все стороны морально-психологического состояния армии. Предпринимались меры по недопущению преступлений. Накануне пересечения государственной границы и вступления на сопредельную территорию каждой из стран Восточной Европы Государственный комитет обороны (ГКО) издавал за подписью Сталина специальные постановления, которые обязывали командование действующих армий обратиться к местному населению с разъяснением целей Красной Армии. Такие воззвания были в равной мере адресованы и советским военнослужащим. Например, 10 апреля 1944 г. в связи с вступлением на территорию Румынии был издан документ, в котором говорилось: «Красная Армия вошла в пределы Румынии, не преследуя целей приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего в Румынии общественного строя». Командованию действующей армии предписывалось «в занятых Красной Армией районах советов и органов советской власти не создавать. Сохранить без изменения все существующие в этих районах румынские органы власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать и церквей и молитвенных домов не трогать. Румынских порядков не ломать и советских порядков не вводить». Отдельным пунктом предписывалось объявить «во всеобщее сведение,

что все личные и имущественные права румынских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность, находятся под охраной советских военных властей»⁷. Этот пункт был направлен и на предотвращение грабежей и мародерства военнослужащими.

Такие политические установки и призывы охранять частную собственность давали командующим фронтами дополнительные основания пресекать порой преступное поведение солдат и офицеров. Правда, один из первых приказов командовавшего 1-м Белорусским фронтом маршала К. К. Рокоссовского после вступления войск фронта на территорию Польши был направлен на «подтягивание» ослабшей по завершении длительного наступления самодисциплины его подчиненных: привести в порядок внешний вид, передвигаться по населенным пунктам строем, соблюдать воинский устав. Но уже несколько дней спустя, 3 августа 1944 г., последовало распоряжение жестко пресекать недостойное поведение военнослужащих подразделений фронта, их незаконные действия (изъятия, поборы), а попросту говоря, грабежи, мародерство, продажу и обмен оружия на что-то другое. Предусматривалось предание виновных суду военного трибунала. Особенно строго наказывалась продажа отечественного и трофейного оружия и боеприпасов местному населению. Высшая мера наказания (ВМН), то есть расстрел, приводилась в исполнение немедленно, перед строем и, бывало, в присутствии местных жителей. Копии протоколов о приговорах и их исполнении представлялись «для отдачи приказом войскам фронта»⁸.

Факт пересечения государственной границы и затем границы Германии усиливал опьянение армии собственным героизмом, с которым соседствовала вседозволенность. Происходило некое внутреннее раскрепощение и радость от того, что дошел и жив, смешивалась с уже ставшей привычной жестокостью, угасала свойственная нашему народу милость к побежденным. В ходе Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций, когда настала встреча с немецким населением, не могло не обостриться желание немедленно отомстить, наказать всех так, как солдат мог это сделать. Последовал приказ от 19 января 1945 г.: судам военных трибуналов предписывалось выносить самые строгие приговоры и применять ВМН за разбой, насилия, мародерство. Категорически запрещалось иметь в воинских частях имущество неармейского назначения. Этот приказ применялся на деле и, согласно материалам Главной военной прокуратуры СССР, более 4 тыс. советских военнослужащих заплатили за такие проступки своими жизнями⁹. Этой цифрой вряд ли учтены расстрелы на месте преступления и без вынесения приговора. Об одном из таких случаев в Словакии доносил 1 марта 1945 г. в ЦК ВКП(б) заместитель начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник И. В. Шикин: «Личный состав

наших войск на чехословацкой территории ведет себя хорошо. Многие бойцы и офицеры выражают свое удовлетворение, что они освобождают братские народы Чехословакии от немецкого ига. В некоторых селениях имеют место отдельные случаи мародерства и насилия. Лейтенант Левинский забирал из квартир местных жителей различные вещи, за что он отстранен от должности. Лейтенант Конопленко пытался изнасиловать крестьянку. На ее крик прибежал сын, мальчик 13 лет. Конопленко застрелил его и пытался скрыться, но был задержан. Конопленко расстрелян»¹⁰. Наказывались, уверена, многие тысячипровинившихся.

Факты разложения солдат и офицеров свидетельствовали о непростом внутреннем состоянии боевых частей. Это вызвало появление не только упомянутого документа от 19 января, а также в апреле 1945 г. Приказа об изменении отношения немецкому населению (лозунг «Убей немца» был снят), но и публичную реакцию Сталина на негативный резонанс в Европе и мире от случаев непристойного поведения советских военнослужащих. В ходе встречи в Кремле 9 января 1945 г с начальником штаба Югославской народной армии А. Йовановичем и членом руководства КПЮ А. Хебрангом Сталин затронул эту непростую тему. Рассуждая о правах Красной Армии на продовольственные трофеи, Сталин отреагировал на теперь широко известное сравнение М. Джиласом поведения советских солдат на территории Югославии, «которые совершали безжалостные поступки, не гнушаясь даже мелким мародерством», и английских офицеров, не участвовавших «в подобных эксцессах»¹¹. Реакция Сталина была такова: «Нельзя характеризовать армию на основании отдельных случаев, из-за одного уродца нельзя оскорблять всю Красную Армию. Надо понять душу бойца... Боец думает: ему все простят, он герой, ему все можно... Бойцы устали, измотались в длительной и тяжелой войне. Неправильно становиться на точку зрения приличного интеллигента. Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов»¹². Мы за это расстреливаем...»¹³.

К этому сюжету Сталин вновь вернулся в апреле 1945 г. на обеде в честь подписания советско-югославского договора о дружбе и взаимопомощи. Как пишет Джилас, вождь выразил свое отношение к проступкам советских солдат такими словами: «... Представьте себе мужчину, который прошел войну от Сталинграда до Белграда — тысячи километров его собственной опустошенной земли, через трупы своих товарищей и самых близких людей! Как нормально может такой человек реагировать? И что страшного в том, что он развлечется с женщиной после таких ужасов? Вы думали, Красная Армия идеальна. А она не идеальна, да и не может быть такой, даже если бы в ней не было определенного процента преступников — мы открыли наши тюрьмы и всех отправили на фронт... Красная армия не идеальна. Важно то, что она бьет немцев — и бьет их хорошо, а остальное не имеет значения»¹⁴.

Подобные застольные разговоры не записывались, и проверить точность воспроизводства Джиласом слов, произнесенных Сталиным, не представляется возможным. Но накануне, в марте 1945 г., советский лидер говорил об облике Красной Армии на приеме в Москве в честь чехословацкой правительственной делегации во главе с президентом Чехословакии Э. Бенешем. Исследователям доступны несколько вариантов записей его слов. Существенной разницы в записях нет. Возьмем за источник документ из Пражского государственного архива. «Красная Армия, говорил Сталин, в своем победном наступлении допускает иногда излишние перегибы. Прошу Вас простить и не держать зла. Я прошу Вас извинить за то, что на Вашей территории дело может дойти до некоторых непристойностей. Психология воина Красной Армии объясняет это... Каждый из них считает себя героем и полагает, что ему, как герою, все позволено и все будет прощено»¹⁵.

В советской записи текст насчет «непристойностей» выглядит так: «Красная армия идет вперед, одерживает победы, но у нее еще много недостатков... Ее бойцы... зачастую делают безобразия, насилюют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем не слишком разочаровываться...»¹⁶. Дважды, в январе и марте 1945 г. глава Советского государства публично просил, чтобы в Европе поняли и извинили бойцов Красной Армии.

Эти документальные свидетельства по тональности не совсем соотносятся с тем изложением отношения Сталина к безобразиям, творимым советскими военнослужащими, которое передает в своих мемуарах Джилас. В них отчетливо проходит стремление советского лидера не оправдать, а объяснить причины неприглядного поведения солдат армии, Верховным главнокомандующим которой он был, и попросить прощения за их поведение. Прискорбно, но именно в интерпретации Джиласа этот сюжет присутствует в историографии, и грубо представлен, например, в фильме компании BBC «Вторая мировая войны за закрытыми дверями».

Невозможно защищать и бессмысленно приукрашивать образ советского диктатора. Но, говоря об аморальных не единичных поступках кого-то из наших отцов и дедов, зададимся вопросом: разве было только это? Разве Красная Армия состояла лишь из грабителей и насильников? Подавляющее большинство было другим. Сколько нелегкого ратного и мирного труда они вложили в то, чтобы в Восточной Европе, где речь шла о гибели целых народов, возродилась и продолжилась жизнь. И сегодня столь же неблагоприятно возводить напраслину на всех солдат Красной Армии, как вчера молчать о преступниках в рядах этой армии. Без воспроизведения в работах историков той и другой стороны всей этой трудной проблемы правда о том, что принесла в Восточную Европу Красная Армия, не состоится.

Признавая преступления, которые совершались советскими солдатами, зададимся другим вопросом. Разве грабежи и насилия со стороны сильных по отношению к слабым совершались только этими солдатами? Разве чехи не останавливали эшелоны с выселяемыми из Судет немецкими семьями и не отбирали у них все личные вещи и деньги, при этом «исключительно грубо» обращались с женщинами и детьми? Разве не обнаруживали в этих вагонах трупы десятков женщин, стариков и детей, сведших счеты с жизнью? Разве те же чехи в конце мая 1945 г. не водили по улицам обнаженных немецких женщин и не устраивали показательные избиения немецких мужчин?¹⁷

4 июля замнаркома внутренних дел СССР генерал И. А. Серов направил наркому Л. П. Берии специальное донесение о производе чехословацких властей при переселении немцев из Чехословакии, где, в частности, писал: «...В ряде случаев чехословацкие офицеры и солдаты в населенных пунктах, где проживают немцы, с вечера выставляют усиленные патрули в полной боевой готовности и ночью открывают стрельбу по городу. Немецкое население, перепугавшись, выбегает из домов, бросая имущество, и разбегается. После этого солдаты заходят в дома, забирают ценности и возвращаются в свои части. В результате такого переселения в районах, граничащих с Чехословакией, собралось несколько десятков тысяч переселяемых немцев, которые ходят [и] попрошайничают и голодают. Имеются случаи самоубийства»¹⁸.

Занимались массовым ограблением немцев и поляки, которые выезжали из центральных районов страны целыми экспедициями грабить население бывших восточных провинций Германии. И дело вовсе не ограничивалось мешочничеством, были насилие и убийства, что тоже имеет свое объяснение: натерпелись поляки от гитлеровцев за 6 лет нацистской оккупации.

Из документов того времени мы знаем, что выселявшееся с территорий Германии, отошедших к Польше, немецкое население считало тогда Красную Армию меньшим злом, чем тех поляков-грабителей. В этой вражеской армии немцы искали защиту от ненависти поляков, что подтвердил редактор газеты, которую издавали советские военные власти в Польше на немецком языке. Выступая 21 мая 1946 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКПб, он так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Немцы о наших комендатурах, особенно в начале послевоенного периода, отзывались как о золотом веке и говорят: "Как было замечательно, когда были ваши комендатуры, а сейчас — поляки, и мы пропали"»¹⁹.

Все это, конечно, ни в малейшей мере не оправдывает и не смягчает вину тех солдат, которые не соответствовали образу героического и благородного освободителя, созданному советской пропагандой и вынесенному за пределы нашей страны. Они позорили облик Красной Армии. Но, признавая это, давайте напомним и другое. Тем, кто уничтожал нацизм

в Восточной Европе, бывало, стреляли не только в грудь. Мы до сих пор не знаем, а должны бы знать, сколько советских военнослужащих, что прошагали и проползли по своей и чужой земле тысячи километров, «оттолкнувшись ногой от Урала», как писал поэт В. Высоцкий, было убито в спину.

Конечно, и советские солдаты были разные и встречали их в Восточной Европе по-разному, и воздействовала на эти встречи не только советская пропаганда. Дадим слово крупной польской писательнице Марии Домбrowsкой, современнице событий. Запись в дневнике 22 января 1945 г.: «Подумать только, сегодня утром здесь были немцы, а вечером мы уже не под немецкой оккупацией. Советские войска все идут вперед. Видимо, уже заняли Познань, Тильзит, Краков. На территории школы расположились военные, какие-то вспомогательные войска, среди них очень много девушек. Забрали всех лошадей, коров, двух свиней, кур и яйца. Много пьют водки, особенно офицеры... Они мрачные, невежливые, в них нет никакого духа освободителей». И дальше: «Нет никаких известий, только слухи, которые трудно проверить, ведь нет ни электричества, ни радио. Боже, подумать только, что в течение пяти лет мы имели такое прекрасное ежедневное радио». В октябре Домбrowsкая записала рассказ другого польского писателя, Я. Ивашкевича, о том, что часть его дома «занята НКВД и польской армией. И те, и другие крадут все, что могут украсть»²⁰.

Сведения о настроениях местного населения на освобожденных территориях регулярно поступали высшему политическому руководству СССР. Российские архивы сохранили множество свидетельств того, что большинство населения стран Восточной Европы ждало и встречало Красную Армию и советских людей как освободителей, а вовсе не как оккупантов. В рапортах «наверх» командование не скрывало и наличия других настроений. Приведем отдельные примеры. Так, в докладе о ходе Висло-Одерской операции маршал Г. К. Жуков, командовавший 1-м Белорусским фронтом, писал И. В. Сталину 29 января 1945 г.: за 17 дней наступательных боев войска фронта, пройдя до 400 км, очистили от противника всю западную часть Польши, население которой «повсеместно и с восторженной радостью встречало части Красной Армии»²¹. 5 апреля 1945 г., характеризуя положение в освобожденной Братиславе, генерал-полковник И. В. Шикин сообщал в ЦК ВКП(б), что «население встречает наши войска хорошо..., словаки выражают свои чувства радости освобождения от немецко-фашистского ига и свою горячую благодарность Красной армии...»²².

Вместе с тем, документы показывают, что в доносениях разных уровней не скрывались негативные проявления в настроениях местного населения на освобожденных территориях. Сообщалось о недовольством, что приходится делиться продовольствием с советскими воинскими частями в условиях

больших продовольственных и бытовых трудностей, выходить на восстановительные и оборонительные работы. Так, в середине августа 1944 г. политотдел 28-ой армии 1-го Белорусского фронта докладывал своему командованию следующее: «За 15 дней, прошедших с начала вступления 28-й армии на территорию Польши, политические органы провели значительную работу по изучению настроений польского населения... Собранный материал дает возможность сделать определенные выводы о поведении поляков, их отношении к Красной Армии... Подавляющее большинство населения встречает Красную Армию не только лояльно, но и дружелюбно. Сдержанность, наблюдавшаяся в первые дни по отношению к Красной Армии, постепенно сменяется пониманием великой освободительной роли, которую выполняет армия Советского Союза..., во многих населенных пунктах население встречает входящие туда части с цветами, хлебом-солью, целует бойцов и офицеров... Однако имеются определенные лица среди польского населения которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной Армии»²³.

Другой пример: донесение генерала Шикина о положении на освобожденных территориях Словакии на 1 марта 1945 г. и деятельности советских военных комендатур, которые помогали местным органам власти восстанавливать хозяйство в городах и поселках, пускать в ход промышленные предприятия, ремонтировать электростанции и дороги, открывать школы и гимназии. Характеризуя настроения словаков, генерал подчеркивал, что «подавляющее большинство населения хорошо относится к Красной Армии, видит в ней свою освободительницу от ига немецко-фашистских захватчиков... Среди всех слоев населения сильно распространены антинемецкие настроения... Наряду с этим имеют место факты распространения ложных, провокационных слухов, случаи отказа от содействия представителям Красной Армии», связанные с нежеланием долго кормить пришедшие войска²⁴.

7 апреля 1945 г. тот же Шикин, докладывая о ситуации в освобожденной Братиславе, писал в ЦК ВКП(б): «Население встречает наши войска хорошо. В беседах с советскими военнослужащими словаки выражают свои чувства радости за освобождение от немецко-фашистского ига и свою горячую благодарность Красной Армии, протянувшей руку помощи

словацкому народу»²⁵.

Подобные сведения содержались и в информации от 12 мая 1945 г. начальника VII Управления ГлавПУРККА о настроениях чешского населения освобожденных районов страны: «Чешское население, как правило, дружелюбно встречало вступающие на территорию Чехословакии части Красной Армии. На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами... среди чехов очень сильны антифашистские настроения». В документе отмечались различия в настроениях в зависимости от социального статуса людей: «Представители имущих классов и интеллигенции отказываются от [восстановительной] работы по заданиям воинских частей... Население сельских местностей настроено значительно дружелюбнее и более охотно участвует в восстановительных и других работах». Положительное массовое отношение населения к солдатам Красной Армии отмечали не только политические подразделения Красной Армии. О них сообщали в своих донесениях офицеры советской разведки²⁶.

Таким образом, в информационных материалах, поступавших в Москву из действующей армии, констатировались как позитивное восприятие Красной Армии населением, так и отдельные факты безобразного поведения ее военнослужащих, а также враждебности и антисоветских настроений. Советские офицеры относили последнее, как правило, на счет «классово чуждых» элементов, зажиточных слоев, помещиков и некоторой части интеллигенции. Массового восприятия Красной Армии рядовыми гражданами стран Восточной Европы как армии лишь сменившей власть гитлеровских оккупантов или «своих» фашистов, не отмечалось. В настроениях повсеместно преобладали благодарность за изгнание гитлеровцев, а также усталость от войны, разрухи и потерь близких людей, желание мирной жизни и установления элементарного общественного порядка. Как новую оккупацию страны определяли приход Красной Армии представители польской довоенной элиты, потерявшие политическую власть в Польше, лидеры и участники военно-политического подполья, а также та часть польского общества, которая их поддерживала. Но это отдельная проблема для иного исследования.

Примечания

1. Rozmowa i sekretarza KC PZPR Władysława Gomułki z prymasem Polski ks. kard. Stefanem Wyszyńskim w dniu 11 stycznia 1960 roku // Władysław Gomułka i jego epoka. W. 2005. S.284.
2. Цит. по: Аристов В. Русский мир Будапешта и Венгрии (Очерки и статьи по истории современности). Будапешт. 2003. С. 146.
3. Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Lublin. 1989. S. 135–136.
4. Глубина же зависимости, темпы ее усиления были производным как от развития внутривнутриполитической ситуации в каждой из стран Восточной Европы, от способности национальной политической элиты занять дружественную, по крайней мер, нейтральную, позицию в отношениях с СССР, так и в значительной мере от сохранения сотрудничества великих держав после войны.
5. Там же. С. 136
6. См. напр.: Dudek A. Zblewski Z. Utopia nad Wisłą. Historia Peerelu. Warszawa-Bielsko-Biała. 2008; Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza.

■ История

Droga do władzy. 1942–1945. W. 2003

- * Как правило, авторов работ, разоблачающих или, в лучшем случае, констатирующих факты аморального поведения советских солдат в странах Восточной Европы и, в особенности на территории Германии, меньше всего занимают поиски причин такого поведения. В этом отношении заметно отличается от многих подобных книг исследование К. Мерридейл «Война Ивана. Красная Армия. 1939–1945». Книга издана в 2005 г. и переведенное на польский язык. (Catherine Merridale. Wojna Iwana. Armia Czerwona. 1939–1945. Poznań. 2007). Автор стремится понять и объяснить читателю то состояние сознания советского солдата, который шел в Европу, чтобы отомстить за гибель своих близких тем, кто разрушил его жизнь и страну.
7. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т.1. С.53–56.
  8. Русский Архив. 14. 3 (1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы М.1994. С.343–344
  9. Соколов Б.В. Рокоссовский.М. 2009. С. 435
  10. Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 17. Оп.125. Д.320. Л.49
  11. Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 2002. С.100,102.
  12. Джилас называет 121 случай изнасилований, как правило с убийствами, и 1204 случая мародерства (Джилас М. Указ. соч. С.102).
  13. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т.1.1944–1948.М.-Новосибирск. 1997. С.120–121
  14. Джилас М. Указ соч. С. 127–128
  15. Statni Ustredni Archiv Ceske Republiky (SUA). F.100\24. Sv.172.A.j.1534. Цит. по: Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953. Т.1. 1944–1948. М. 1999. С.192
  16. Архив Президента РФ. (АП РФ) Ф.45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57; Источник. 1997. №. 5. С. 127
  17. РГАСПИ.Ф. 17 Оп. 125. Д.360. С. 160; Советский фактор в Восточной Европе. 1944- 1953. Т.1. С. 212; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т.1.С.223.
  18. Советский фактор в Восточной Европе...Т.1. С.213.
  19. Советский фактор в Восточной Европе. Т.1.С. 298–299
  20. DąbrowskaМ. Dzienniki powojenne. Т. 1. 1945–1949. W. 1997. S.45, 71.
  21. А П РФ. Ф. 3. Оп.50. Д. 449. С. 10
  22. РГАСПИ.Ф.17. Оп. 125. Д.320Л. 48–51,80
  23. Там же С.347–348
  24. Там же. Ф.17. Оп. 128. Д.32. Л.49–50.
  25. Там же. Ф.17.Оп.125. Д.320. Л.80.
  26. Там же.Оп. 128. Д.32. Л..53–56; Никольский В. А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта. М. 2005. С.198–202.
-